

не значит гибнуть, если эта перемена не в главном, не в глубине веры, т. е. доверия к Богу... Кантовское «ты должен» лежит в областях, куда луч веры не доходит». Бог не знает добра и зла. Бог все творит. И Адам до грехопадения был причастен божественному всемогуществу и только после падения попал под власть знания, и в тот момент утратил драгоценнейший дар — свободу. Ибо свобода не в возможности выбора между добром и злом, как мы обречены теперь думать. СВОБОДА ЕСТЬ СИЛА И ВЛАСТЬ НЕ ДОПУСКАТЬ ЗЛО В МИР. Утрата первоначальной невинности породила тревогу, унынье и страх. Страх перед чем? Перед ничем. Смерть, понимаемая как небытие, не существует. По Библии страх и стыд пришли не от неведения, а от знания.

«Наша воля порабощена, она парализована, она в глубоком обмороке, она почти мертва. Знание отдало человека во власть несотворенных ложных истин, эмансипировавшихся от Бога. В этом страшное и роковое последствие времени, истории. Пробудиться от сна духа, который уже стал подобен смерти, сам человек не может. Но он может понять, что все возможно Богу, для Бога нет ничего невозможного, в том числе ВОЗМОЖНО БЫВШЕЕ СДЕЛАТЬ НЕ БЫВШИМ».

Этот текст часто встречается у Шестова, здесь выписываю из статьи Шестова о Бердяеве. Это можно пояснить так: «Вам казалось, что вы лишились свободы, на самом деле это был только дурной сон». Мы можем проснуться. В пробуждении наше спасение. Здесь, по Шестову, основа всего Священного Писания.

«Иисус сказал ему: Прозри! Вера твоя спасла тебя». (Лк. 18:42)*.

В. Н. ИЛЬИН

Л. И. Шестов. «Апофеоз беспочвенности»

В этом месяце исполняется годовщина со смерти нашего долголетнего сотрудника профессора Владимира Николаевича Ильина. «Русская Мысль» отмечает ее статьей покойного о творчестве Льва Шестова.

Очень рано — в студенческие годы как самого Л. И. Шестова, так и пишущего ныне эти строки В. Н. Ильина — появился блистательный первенец великого русского философа и богослова-метафизика Л. И. Шестова.

* Только что переиздана книга Льва Шестова *Sur la balance de Job*. Paris: Flammarion, 1971.

В ту же эпоху автор «Апофеоза беспочвенности» нашумел своей великолепной книгой «Шекспир и его критик Георг Брандес», где Шестов разделался тонко и остро с Г. Брандесом, северным Белинским, вполне заслужившим такой разделки, как и его русский дублет.

Заметим тут в скобках, что Георгу Брандесу было мало хулы на Шекспира, ему понадобилась еще хула на другого великого драматурга, тоже единственного в своем роде, — на Генрика Ибсена в «Пер Гюнте», где Георг Брандес ничего не понял, как и в других пьесах творца «Призраков», зато он нашел гений в таком на редкость бездарном глупце, как Бьернстерне Бьернсоне¹, которого Ибсен осмеял в «Союзе молодежи» и в других пьесах.

Л. И. Шестов уже в раннем, почти отроческом возрасте вполне обнаружил свой гений, который оказался не из тех, которые можно заманить в свои сети либерально-сентиментальной и гуманной размазней с розовыми переливами.

Одна из самых трудных философско-метафизических тем и проблем — это проблема так называемого обоснования («Begründung») и «исходного принципа». Здесь сколько не ходи, ни до каких линий, «где, как нам кажется, небо сходится с землей»², — не дойдешь.

Автор ставит вопрос: «...каким... путем может быть достигнуто единство и цельность в сочинении?» (стр. 11).

Вопрос этот имеет общий и насущный смысл не только для оправдания афористически паскалевско-ницшевской манеры автора. «Я убедился, что... нужно вновь разобрать по камням наполовину уже выстроенное здание и, рискуя возбудить против себя негодование читателей и в особенности критики, которая, разумеется, в разрушении традиционной формы не захочет увидеть ничего, кроме странной причуды, представить работу в виде ряда внешним образом не связанных мыслей. Нет идеи, нет идей, нет последовательности, есть противоречия, но ведь именно этого я и добивался...» (там же). «Беспочвенность, даже апофеоз беспочвенности, — может ли тут быть разговор о внешней законченности, когда вся моя задача и состояла именно в том, чтобы раз навсегда избавиться от всяких начал и концов, таким непонятным упорством навязываемых нам всевозможными основателями великих и не великих философских систем».

С иронической улыбкой, полной яду, говорит по этому поводу Л. И. Шестов: «Современный законодатель мысли устанавливает незыблемый принцип: уметь кончать. Но попробуйте допросить его: что дает ему право с такой уверенностью провозглашать свой закон — и вы услышите, что у него, в сущности, ничего, кроме “доказательств по аналогии”, нет за душой. Дом без крыши никуда не годится — размышления без начал и концов должны быть отвергнуты... Да и ведь вообще доказательства по аналогии — самые бедные и неубедительные доказательства, собственно говоря, даже и не доказательства» (там же, стр. 12).

Едко, сокрушающе, что и говорить! Кроме того, в наше время никто и не пишет философских систем в прежнем смысле — всякая попытка написать теперь что-либо подобное была бы принята за пародию и, во всяком случае, вызвала бы недоумение и даже веселое настроение.

И все же, подобное притязание на системность, или же даже на систему, появляется и в наше время — стоит вспомнить основные произведения таких корифеев метафизики нашего времени, как сочинения по феноменологии (феноменологической методологии), как работы Гуссерля или же гуссерлианцев, как Макс Шелер, Мартин Хайдеггер, Карл Ясперс, даже Жан-Поля Сартра с примыкающими к нему, чтобы убедиться в том, что обоснования — подлинные или фиктивные — все же существуют.

Кроме того — «король умер, да здравствует король», — и если не новый король, то кто-нибудь из королевского дома. Ведь великолепные афоризмы Л. И. Шестова сплошь и рядом напоминают небольшие системы как по содержанию, так и по форме. Да и могло ли это быть иначе? И вообще, без этого минимума законченности, как в смысле начал, так и в смысле концов, — можно ли было бы хотя бы в грамматическом отношении вообще написать осмысленную фразу — ведь мы же не собираемся утверждать, что Л. И. Шестов когда-нибудь или где-нибудь собирался «эпатировать публику» явно бессмысленным набором фонетических изъятий.

Даже Л. И. Шестову — серьезному, гениальному мыслителю — не дано было избежать в своем творчестве такой существеннейшей части философской метафизики, как необходимость, так или иначе, но оценивать все то, что предстоит его сознанию.

Вот почему о Л. И. Шестове можно и должно сказать, что он очень отчетливый, морфологически ясный мыслитель с очень определенными оценками и переживаниями приемлемого и неприемлемого, любезного и отвратительного, здесь содержится то, что можно назвать эсхатологией начал и концов, не говоря уже о том, что вся апокалиптика содержится именно тут...

Мы еще прибавим три основные ценности, которые всегда объединяли глубоко дружеской связью, напоминающей связь сиамских близнецов, Н. А. Бердяева и Л. И. Шестова. Я имею в виду личность, свободу и творчество.

Правда, его аксиологическая расценка творчества дышит глубоким пессимизмом, она отравлена неисцелимою горечью. Здесь-то окончательно выясняется, что безо всякой системы все существо Л. И. Шестова напоено смертной горечью отравленной и разбитой жизни.

«Восторги творчества»: Пустые слова, придуманные людьми, никогда не имевшими случая на личном опыте судить о том, что такое творчество, добывавшими свое суждение путем умозаключения: если творение доставляет нам такое великое наслаждение, то что же должен

был испытывать сам творец На самом деле, творец обыкновенно испытывает одни огорчения. Всякое творение есть обыкновенно творение из ничего. В лучшем случае перед нами безобразный, бессмысленный, большей частью упорный твердый материал, с трудом поддающийся обработке. Да и неизвестно, как его обрабатывать. Каждый раз в голову приходит новая мысль, и каждый раз новую мысль, на мгновение показавшуюся блестящей и очаровательной, нужно отбрасывать, как негодный хлам. Творчество есть непрерывный переход от одной неудачи к другой» (там же, стр. 68).

И хорошо, прибавим мы от себя все это, и отчетливо осознается:

...с холодным вниманием вокруг —
и убедишься, что и жизнь и творчество
Такая пустая и глупая шутка...³

Но тут приходит в голову общая трагедия миротворческого, космогонического процесса — вплоть до той великой катастрофы, которую можно назвать «неудачей Бога» и которая заключается в том, что одни богословы именуют падением Денницы, другие (например, Св. Григорий Нисский⁴, «изобретением зла» или «спором Бога с дьяволом за обладание Иовом», «крестной богооставленностью») и мало ли еще какими поистине ужасными словами, и где совсем не до литературно-метафизической и даже не до «божественной игры в творчество» А. Н. Скрябина в его Третьей симфонии⁵.

Согласно Юнгу (см. его замечательную книгу — «Ответ Иову»), Бог, вместо ответа (хотя были и «ответы»), разделил судьбу Иова, в чем, собственно говоря, и сущность христианства. Выходит так, что Бог не смог, или не захотел, отклонить удары, направленные на Иова (которые Он же Сам вызвал), но зато Сам взошел на тот же Крест, который был уготован Иову в этом ужасающем и до последней степени соблазнительном «скандальном» процессе, в «диалектике» Бога и Иова (т. е. человека), да еще в лучшем его экземпляре. Выходит также и то, что Бог, задумав миротворение, знал, на что Он шел... Но тут встает многообразный призрак свободы, и все завлакивается непроницаемой пеленой того, что гностик Василид называл «великим неведением» (ге мегалэ агнойя)...⁶ И вот философ, богослов, метафизик (и «творец» в этих областях) шатается как пьяный, и того и гляди упадет, и кто подаст ему руку... ведь речь идет о том, чтобы обнаружить величие, силу и свободу человека... Ну а если вместо великолепных и блестящих вещей обнаружатся — и как это часто случалось, случается и будет случаться — ничтожество, слабость и рабство, обнаружится какой-нибудь ленин в нем — тогда что?

Или вместо «Наполеона Бельведерского» (по выражению одной советской «специалистки» из разворованного Эрмитажа) выглянет красавец Брежнев, тогда что?..

Да, Л. И. Шестов прав: «Общее состояние творящего — неопределенность, неизвестность, неуверенность в завтрашнем дне, издерганность» (там же).

Правда, после провала решительно всех «наличностей», и даже когда из-за умножения беззакония иссыкает любовь и нет сил произнести великое «Верую, Господи, помоги моему неверию», когда слова молитвы замирают на оледенелых устах и глаза становятся слепы для узрения чуда (может быть, оно имело место, а может быть, его не было в помине), остается еще одна добродетель, входящая в великую Триаду Веры, Надежды и Любви, — остается — Надежда, или, выражаясь сильнее, — упование...

По всем вероятностям, все в мире — и в творчестве — им и держится. Великая беда в том, что «чем серьезнее, значительнее и оригинальнее взятая на себя человеком задача, тем мучительнее его самочувствие» (Л. И. Шестов, цит. соч. стр. 68). Эта ужасная «обратная пропорциональность» такова, что весьма скоро может наступить такое состояние, когда в предсмертном борении страдальцу остается только крестный вопль о богооставленности:

Боже мой, Боже мой, зачем ты меня оставил?

И трудное утешение бесспорно великого А. С. Хомякова в том, что «с нами Бог оставленный Богом»⁷.

...Трудно страдать без почвы. Но Л. И. Шестов выбрал себе этого рода разновидность крестной муки. Впоследствии, в таких работах, как «Афины и Иерусалим», «На весах Иова», «Киркегаард», «Скованный Парменид» (не считая «Гефсиманской ночи»), Л. И. Шестов показал, что это именно так.

В. К. ЗЕЛИНСКИЙ

Великий молчальник

Se moquer de la philosophie,
C'est vraiment philosopher.

*Pascal**

Язычник (христианину): «Скажи, брат, если ты чтить Бога, который есть истина, а мы не намерены чтить Бога, который не есть Бог в истине, то какая разница между вами и нами?»

Ник. Кузанский. «О сокровенном Боге».

* «Смеяться над философией — значит поистине философствовать». *Паскаль.*